

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.043-058

И. И. Черных*

Категория законных интересов на фоне единого концепта правопонимания

Аннотация. Исследуются проблемы судопроизводства по гражданским и арбитражным делам и пути их решения с использованием процессуальных возможностей, мыслимых в философско-правовой постановке задачи. В качестве весьма показательной и востребованной правопониманием категории с эффективными инструментальными свойствами избраны интересы (законные интересы). Исследование их категориальных особенностей включено в контекст анализа единого концепта правопонимания. Единство концепта правопонимания как общей рациональной основы для учета достижений также и неправовых наук, в первую очередь философии, в формировании последовательного представления о праве противопоставляется конкурентной «единственности» традиционных взглядов на сущность права и присвоению монополии на истину. При раскрытии единства концепта применительно к единству и общности подхода как к философско-правовым, общетеоретическим идеям права, проблемам теории цивилистического процесса, так и их предметному правоприменительному отпечатку, особое внимание уделяется анализу категории идеального и переходу от нее к категории рационального в виде сопоставления личного и общественного опыта, а также их столкновения с последующим обращением к форме судебной защиты прав и интересов.

Ключевые слова: концепт правопонимания; рациональность мышления; неправомерное поведение; законные интересы; судебная защита прав и интересов; категория идеального и категория реального; процессуальное равенство; связь социального и индивидуального; подсудность; конфликт интересов; злоупотребление правом.

Для цитирования: Черных И. И. Категория законных интересов на фоне единого концепта правопонимания // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 11. — С. 43–58. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.043-058.

© Черных И. И., 2022

* Черных Ирина Ильинична, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 ch6363@yandex.ru

The Category of Legitimate Interests in the context of a Single Concept of Legal Understanding

Irina I. Chernykh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ch6363@yandex.ru

Abstract. The paper investigates problems of legal proceedings in civil and arbitration cases and ways of their resolution using procedural possibilities conceivable in the philosophical and legal formulation of the problem. Interests (legitimate interests) have been chosen as a very indicative and demanded category with effective instrumental properties. The study of their categorical features is included in the context of the analysis of a single concept of legal understanding. The unity of the concept of legal understanding as a common rational basis for taking into account the achievements of non-legal sciences, primarily philosophy, in the formation of a consistent view of law is opposed to the competitive «uniqueness» of traditional views on the essence of law and appropriation of a monopoly on truth. When revealing the unity of the concept in relation to the unity and generality of the approach to the philosophical and legal, general theoretical ideas of law, problems of the theory of the civil process, and their subject law enforcement imprint, special attention is paid to the analysis of the category of the ideal and transition from it to the category of the rational in the form of a comparison of personal and social experience, as well as their association with the form of judicial protection of rights and interests.

Keywords: concept of legal understanding; rationality of thinking; illegal behavior; legitimate interests; judicial protection of rights and interests; category of the ideal and category of the real; procedural equality; connection of social and individual; jurisdiction; conflict of interests; abuse of law.

Cite as: Chernykh I. Kategoriya zakonnykh interesov na fone edinogo kontsepta pravoponimaniya [The Category of Legitimate Interests in the context of a Single Concept of Legal Understanding]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(11):43-58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.043-058. (In Russ., abstract in Eng.).

Когда говорят о правопонимании, часто вспоминают Платона, удивлявшегося тому, что отсутствие определения права не мешало учить ему. По прошествии более двух тысяч лет, за которые были обучены десятки миллионов юристов и созданы десятки теорий правопонимания, стóит ли по-прежнему удивляться отсутствию определения права? Всеобъемлющего, непротиворечивого, единственного? Как к этому относиться? Как оценивать самодостаточность нормативного потока, его отчужденность от общеправовых теорий? Данная попытка уместить в размер журнальной публикации изложение представлений о концепте правопонимания, о проекции его содержания на вопросы общей теории права и переходе от него к отраслевым проблемам — в частности, цивилистического процесса, их отражению в практике судопроизводства призвана *ab ovo usque ad mala*, в соответствии с диалектическим

законом восхождения от абстрактного к конкретному, привлечь в очередной раз внимание к категории законных интересов, выбранной в качестве примера наглядного воплощения в одном из важнейших контрапунктов права (интересах) как событий его (права) осмысления, так и применения.

Итак, начинаем свое восхождение с уже поставленного вопроса: как относиться к отсутствию общепризнанной теории правопонимания, к тому, что любая из существующих неумолимо критикуется? Такое положение дел обуславливает два возможных взгляда. Первый — это последовательно отрицательное отношение ко всем теориям, кроме единственной, разделяемой исследователем. В соответствии же со вторым, решение задачи, направленной на осмысление права как единства, существующего в разных ипостасях, формах и видах, не предполагает создания единственной теории

права, пригодной на все времена и находящейся вне определенных социокультурных рамок¹. Чтобы определиться с выбором, необходимо сначала решить для себя основной вопрос эпистемологии — о получении необходимо-истинного знания. Если видоизменить постановку этого вопроса, увязав характер знания с характером познания, то мы придем к следующим возможным вариантам: либо нужно согласиться с достижимостью и определенностью конечного знания как абсолютного результата и ограниченностью числа путей познания, приводящих к такому результату, либо же, наоборот, признать ограниченность и относительность любого знания, согласующуюся с бесконечностью познания как процесса. Что касается первого варианта, то при всем удобстве универсальной методологии постановки и решения проблем, проистекающей из представлений об абсолютной истинности знания, она с большой вероятностью ведет к утверждению о ее неоспоримости, а далее — к непримиримости по отношению к любой другой теории² не только в силу ее научной несостоятельности, но и по причине инакомыслия. Следует помнить: в любом случае, это вопрос не только и не столько научной методологии, но и личной этики. Вопрос выбора человеческих ценностей: преданность идее, разделяющим ее соратникам, последовательность в ее отстаивании или открытость, готовность увидеть в новом причине принятия чужого мнения, наряду со своими воззрениями или вместо них. И это определяющая особенность второго варианта. Ведь многочисленные теории, претендующие на свою научную обоснованность, должны каким-либо образом уживаться! Может ли это происходить и в какой форме? Если вспомнить о представлениях Спинозы, касающихся описания мышления и протяженности как похожих атрибутов одной субстанции, это даст подсказку. Бесконечное пространство Вселенной запол-

нено галактическими и звездными системами, имеющими определенное расположение. Если спроецировать положения общей теории систем на эпистемологию, то окажется, что существует среда познания, наполняемая системами познания, являющимися открытыми благодаря тенденции взаимодействия через общие связи. Таким образом, при построении системы познания, включая и концепт правопонимания, необходимо определить ее структурные элементы и характер связи между ними. Но еще прежде следует определиться с основой мировоззрения, поскольку философия права производна от общей философии. Дуалистический подход в смысле выделения идеального и материального долго превалировал в философии, но уже длительное время совершаются попытки уйти от его парадигмы, найти иное основание для размышлений о мире. Тем не менее явление идеального весьма привлекательно для использования его в объяснении права как области идеального. Есть и затруднения, связанные с непостижимостью идеального, усугубляемые тем, что под ним могут понимать весьма различающиеся положения: идеальное как инструмент философского мышления, противопоставляемый материальному, антиматериальному; сфера представлений; поле трансцендентного, недоступного пониманию и др. И все-таки почему оно привлекательно для правопонимания? Это частная постановка более общей проблемы — продуктивности правопонимания. Для ее оценки выделяют различные критерии. Например, эвристический, в соответствии с которым «гносеологическая и онтологическая результативность полученных знаний должна обладать способностью стать основой дальнейшего познания изучаемой реальности... что позволяет говорить о научном прогнозировании, выработке гипотез и предложений о развитии права и его будущности»³. А также прагматический, раскрываю-

¹ См.: Палеха Р. Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2010. № 1. С. 71.

² См., например: Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 75–89.

³ Власенко Н. А. Результативность правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 7.

щий «роль доктрины правопонимания в деле совершенствования практики законодательной, судебной и иной правоприменительной»⁴. Не имеет смысла отрицать значимость приведенных критериев, но стоит и предостеречь от их переоценки. Самые известные теории правопонимания — естественно-правовая и нормативистская — в известной степени (применительно к взаимной критике сторонников) удовлетворяют лишь одному (разному) из этих критериев. В то же время некоторые радикальные построения, формально даже отвечающие приведенным критериям, способны увести в сторону от права по причине несоблюдения предметности исследования. Идеальное же в лучших попытках раскрыть его позволяет выявить наиболее значимое в праве, определить предмет. В советской философии одним из важнейших событий стали дискуссии о природе идеального, в которых принимал участие Э. В. Ильенков. Принято считать, что в содержании трех основных концепций идеального, авторы и сторонники которых дискутировали по многим аспектам проблемы идеального⁵, Ильенков вынес идеальное за пределы психики, чем вызвал шквал критики в свой адрес⁶, в частности Д. И. Дубровского, который полагал, что сторонники социологизаторского подхода к сознанию, отвергая естественно-научный аспект проблемы идеального, вообще отрицают психофизическую проблему⁷, и М. А. Лифшица, который призывал признать, что идеальное существует не только в человеке, не только в общественной деятельности, не только в предметных воплощениях общественного сознания, но и в природе⁸. Однако, если мы обратимся к первоисточнику, то скорее столкнемся с желанием, даже через текст ощущаемым почти мучительным, объединить в понимании иде-

ального все его возможные источники, которые стали предметом дискуссии. «Идеальное» существует только в человеке. Вне человека и помимо него никакого “идеального” нет. Но человек при этом понимается не как отдельный индивид с его мозгом, а как реальная совокупность реальных людей, совместно осуществляющих жизнедеятельность, как “совокупность всех общественных отношений”, складывающихся между людьми вокруг процесса общественного производства. <...> В вещах, которыми “опосредованы” общественно-производящие свою жизнь индивиды... и существует “идеальное” как опредмеченная в естественно-природном материале целесообразная жизнедеятельность общественного человека»⁹.

Человек биологически не способен к индивидуально ограниченному, изолированному существованию в силу невозможности непарного размножения и длительного роста-взросления вне круга себе подобных. В то же время человечество — это не единый организм, даже не пчелиный рой обезличенных участников. Это совокупность уникальных личностей. Поэтому без выделения личности и общества как структурных элементов не объяснить всё, что понимается как нематериальное, не объяснить выходящую за пределы чувственных ощущений связь между ними, именно благодаря которой складывается культура глобальной цивилизации, включающая в себя в широком смысле все итоги, всё наследие социального существования, в том числе и право. Конечно же, в определенных условиях материального мира, но этот фактор предполагает отдельное направление исследования.

Однако просто определить личность и общество в качестве структурных элементов системы познания недостаточно. Мысленная сеть,

⁴ Власенко Н. А. Указ. соч. С. 7.

⁵ Итунина Н. Б. Концепция идеального Э. В. Ильенкова // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 10. С. 300.

⁶ Рахматуллин Р. Ю. Проблема идеального в советской философии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 6. С. 112.

⁷ Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002. С. 126.

⁸ Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М., 2003. С. 290.

⁹ Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 7. С. 158.

сплетенная из этих структурных узлов и связей, должна быть очень прочной, чтобы удержать попавшее в нее мироздание. Христианская религия нашла более простое решение этого вопроса. Идея Троицы, в которой можно увидеть воплощение материальной природы в фигуре Бога-Отца, личности — в Сыне Божиим и наиболее трудноуловимого общества как общественного сознания — в понятии Святого Духа, за счет общей божественной сущности провозглашена в форме триединства. Чем и был решен вопрос связи. Для философии такой подход к форме недостаточен, и нужно определить явление и характер связи. Для начала необходимо раскрыть внутреннее состояние избранных структурных элементов: чем именно удерживается связь, которую необходимо определить? Применительно к сказанному что такое личность и что такое общество? Чем они взаимно обогащаются и в чем противостоят?

По здравому размышлению, это — опыт. То завершённое прошлое, что, проецируясь через ускользающее настоящее на еще не свершившееся, его и создает, определяет будущее. То идеальное, что в общей мере отражает своего носителя как образ. Личный опыт передается в социум, где он обобщается, а затем переходит как достояние следующим поколениям. Однако не весь опыт обобществляется и личность не растворяется в обществе полностью, сохраняя свою уникальность на основании неповторяющейся, неповторимой части. Весь опыт человека не может перейти к обществу в силу непреодолимого личного одиночества. Часто упоминается о том, что одиночество человека обусловлено его полной физической и ментальной изолированностью в абсолютно критические моменты существования: рождения и смерти. Но с этим нельзя согласиться. Физическое обособление в момент рождения не осознается, а ментальное отделение в момент смерти уже ни на что не влияет. Подлинное состояние одиночества человек переживает в моменты наивысшего успеха и наихудших неудач. По той причине, что никто, кроме него самого, не может прочувствовать и оценить ни тяжесть затраченного труда, ни глубину переживаний и отчаяния. В этом причина, почему

человек ни за что не расстанется со своим выстраданным опытом и не заменит его полностью на коллективный, а при необходимости и противопоставит. То есть противопоставит себя как личность обществу.

Итак, если определить связь личности и общества как связь личного и коллективного опыта, то можно переходить к раскрытию характера этой связи. И сосредоточиваясь на проблеме правопонимания, уже нет резона пытаться охватить глубину всего диапазона социальных связей. Интересует характер именно той связи, которая максимально определяет идею права. Для индивида право предстает средством, которое должно оберегать его от конфликтов, исключать социальную опасность, предоставлять алгоритмы выживания среди себе подобных. Для общества это создание, использование, переоценка таких алгоритмов. Тогда при рассмотрении равновеликих образов права — как категории мышления и как передачи общеобязательного опыта — проявляются те особенности, которые позволяют определить искомый характер связи. Масштаб значения права для человека, обусловленный, без преувеличения, личным выживанием, и принудительность как условие общеобязательности диктуют, что должно быть в основе этой связи: рациональное.

Планировать, предвосхищать, сравнивать с предлагаемыми образцами — каким бы низким ни был уровень развития отдельного члена общества относительно других, применительно к своему выживанию он занимается аналитикой и прогнозированием, даже не зная значения этих терминов. Высказанный взгляд на природу права легко проверяется, подобно тому как в начальной школе учат проверке результата арифметической задачи путем решения обратной задачи. Как сформулировать обратную задачу? На что должен опираться человек, которого инстинкты заставляют выживать? На устойчиво повторяющуюся последовательность действий с неизменно положительным результатом. То есть генерируемое разумом преумножение опыта. Если дело касается выживания в заданных природных условиях, то это рациональный опыт познания материального мира, окружающей среды. Он неизбежно трансформируется

в естественно-научное знание. Если же нужно выживать среди себе подобных, наравне с ними или преимущественно перед ними, то в каком явлении предстанет этот рациональный опыт, во что он может и должен трансформироваться? Должен — потому что даже в момент войны, т.е. момент наивысшего отрицания права, между собой, внутри любого устойчивого сообщества, коллектива воюющих мы найдем его. И это так же неизбежно.

Трудно удержаться от того, чтобы не сослаться на религиозные воззрения по данному вопросу, коль скоро обращение к этой системе взглядов уже происходило и проводилась аналогия Сына с индивидом, личностью. В православной традиции София (т.е. Премудрость или разум) отождествляется именно со вторым лицом Божественной Троицы — Сыном, Сущим¹⁰. Рациональное, таким образом, даже в системе иррационального рассматривается как имманентно присущее человеку.

Далее, прежде чем перейти к освещению примеров практики, где находят свое проявление особенности излагаемого взгляда на понимание, следует затронуть бóльшие по значению темы, которые и выводят на проблемы правоприменения. Это уточнение содержания и объема понятия рационального применительно к праву путем сопоставления его с антиподом — иррациональным, а также явление категорий идеального, собственно составляющих право как область идеального.

Начнем с рассмотрения вопроса об иррациональном, точнее — о соотношении неправомерного поведения и иррационального. Чем обусловлено поведение, которое применительно к рациональным положениям общества, к декларируемому позитивному праву воспринимается как неправомерное: рациональными или иррациональными мотивами личности? Если отталкиваться от вышеизложенного взгляда на проявление рационального как устойчиво сформированного опыта, то следует признать, что

даже в случае, когда индивид идет на правонарушение, не считаясь с требованиями общества (правовой нигилизм), либо не снисходя до точности в следовании правилам (правовая небрежность), либо не утруждаясь осведомиться о них (правовое заблуждение или правовое неведение), тем самым он устойчиво полагается на свой собственный опыт, на его априорное первенство в формировании аналитического поля для принятия решений, на его принципиальное и преимущественное значение для отдельно взятого бытия. Ситуация, когда с очевидностью демонстрируется вторичное значение общественного опыта в сравнении с личным, но при общей рациональной гибкости его носителя, иллюстрируется не предусмотренным в первоначальном сценарии правонарушителя появлением вигилантов. Автору уже приходилось по другому поводу приводить пример автовладельцев, паркующих свои машины с нарушением административных предписаний¹¹. Для них становится совершенно неожиданным, когда такие же граждане, как и они, не облеченные властными полномочиями, не просто требуют соблюдения закона, но делают это под угрозой причинения нарушителем малозначительного имущественного вреда. В данной конфликтной ситуации автовладелец-нарушитель сразу же начинают апеллировать к закону, к установленным им санкциям, заявляя, что они готовы их претерпеть, но категорически отрицают оправданность возможного самосуда вследствие его незаконности. Таким образом, мы наблюдаем спор о законности и мгновенное изменение приоритета в столкновении личного и общественного опыта: значимость общественного побеждает. Но означает ли это, что первоначальная позиция правонарушителя была иррациональной? Он умалял значимость общественного опыта, содержание его требований вполне осознанно, будучи готовым к наложению административных санкций, но не к смене из-за них приоритета в выборе опыта. Покач-

¹⁰ Кузнецова С. В. Русская метафизика всеединства XIX–XX вв. в контексте европейской неоплатонической традиции. М., 2018. С. 58.

¹¹ Черных И. И. О праве не соблюдать закон // Служение праву. Памяти профессора В. А. Туманова посвящается. М., 2017. С. 263.

нуло его позицию лишь другое потенциальное правонарушение. Здесь следует говорить о временном ситуативном изменении полярности, знака величины: изначально у нарушителя было отрицательно рациональное отношение, потом оно сменилось на положительно рациональное отношение к позиции общества, выраженной в законе, но оно не было иррациональным ни в какой момент.

Следует также вспомнить о подходе к оценке проявлений иррационального в праве российских юристов дореволюционного периода¹², отозвавшихся на толкование рациональности права в интерпретации немецкой школы, на явление «юриспруденции понятий», по выражению Иеринга. В частности, Б. А. Кистяковский противопоставил рациональное и иррациональное внутри права, сведя рациональное к объективному праву и отождествив проявления индивидуального с иррациональным. Объективное право есть совокупность рациональных продуктов духовной деятельности человека, субъективное право есть совокупность жизненных фактов, имеющих правовое значение. Каждый такой факт в своей индивидуальности, в своем своеобразии, в своей неповторяемости есть нечто безусловно иррациональное¹³. Для процессуалиста его идеи значимы, поскольку прямо проецируются на деятельность суда. «Понимание несовпадения субъективного права с объективным приводит к требованию индивидуализации при применении объективного права, и в частности при судебных решениях»¹⁴. Оценка вполне очевидна, с ней сложно и не нужно спорить, но, учитывая предварительно отмеченную иррациональность сторон судеб-

ного разбирательства, отсутствие рассудочности в жизненных фактах, неизбежно приходим к гипертрофии задач суда. Что он, таким образом, должен делать? Конвертировать иррациональное в рациональное? Такое мы наблюдаем в семье, куда любой из ее членов приходит за сочувствием и моральной поддержкой, но может получить и практический совет на основе анализа случившегося¹⁵. Или все-таки суд должен оставаться в поле рационального? Когда мы говорим о непосредственных участниках конфликта — индивидах, конкретных людях, никто не сомневается, что им, особенно в стрессовой ситуации, присущи эмоции, глубинные переживания. Но если цель состоит в том, чтобы пережить катарсис, если только это самоцель, то человек обращается к искусству. Целью же обращения в суд является рациональное решение конфликта, уже случившегося, перешедшего из поля абстрактного предвидения в законе в форму уникального в своей конкретике единичного явления. Суд, в свою очередь, интересуется ограниченной областью конфликтных отношений, которые обобщенно регулируются законом и поведение в которых может повлечь за собой ответственность. В суд идут, чтобы разобраться.

Означает ли вышеизложенное, что право полностью избавлено от иррационального, что суд от него свободен? Конечно же, нет. Философия права сохраняет постоянный интерес к этике подобно общей философии, которая в Античности и являлась самой этикой (наряду с логикой и физикой). Углубление в данную тему предполагает проведение отдельного и объемного анализа. Но и поверхностных проявлений иррационального в значении эмоционального в праве

¹² См.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998 ; Покровский И. А. «Иррациональное» в области права. М., 1915.

¹³ Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 212.

¹⁴ Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 213.

¹⁵ Некоторые черты «семейного суда» были воплощены в товарищеских судах СССР (см.: Положение о товарищеских судах, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.03.1977). В них рассматривались дела членов трудовых коллективов, в которых были образованы товарищеские суды, т.е. с большой вероятностью людей знакомых, прежде суду известных. В виде санкции (меры общественного воздействия) за административные и дисциплинарные проступки, наряду со штрафом, могли применяться товарищеское предупреждение и общественное порицание, или же санкции вообще могли не применяться, если виновный публично приносил извинения.

хватает. Так, суд исследует состояние аффекта как обстоятельство, влияющее на уголовно-правовую квалификацию. Если же говорить об исках о компенсации за причинение морального вреда, то принятие судом решения непосредственно зависит от предшествующего исследования иррационального — переживаний истца. Благодаря инструментальным возможностям процессуального права возможно не только приложение рационального к рациональному же, но и рациональное исследование в процессуальных границах иррационального, а также немалочисленных категорий идеального, составляющих в совокупности право как область идеального. Что имеется в виду? Свобода, справедливость, благо, добрая воля, интересы, наконец.

Право до такой степени ими пронизано, что можно встретить не только олицетворение права с любой из этих категорий как образ («Право есть искусство добра и справедливости»), но и разработку на теоретическом уровне представления права как подобной категории. Однако еще в дореволюционный период Н. Н. Алексеев отмечал, что правовые феномены во всей их полноте никак не могут уместиться в какую-то одну выделенную грань. «Право может быть не только нормой, но и волей, но и интересом, не только интересом, но и свободой и т.д. — словом, право не сводимо к одному измерению»¹⁶. Если же говорить не о праве вообще, а о законе, то упоминаются в нем эти категории тем чаще, чем более высокого уровня акт пытается на них опереться. Но при этом детализированы в законе они быть не могут именно по той причине, что имеют категоричный уровень, препятствующий дефиниции. Попытка их конкретизации может быть лишь однократной применительно к уникальным обстоятельствам, влекущим за собой необходимость таковой. Поэтому на суд

ложится важнейшая задача рационализировать до максимально возможного значения связь социального и индивидуального в ходе рассмотрения дела.

Если уделить должное внимание именно категории интересов, а точнее говоря, ознакомлению с литературными источниками, затрагивающими эту тему, то можно заметить, что в исследованиях, вплоть до самых новейших, часто встречается упоминание позиции М. А. Гурвича, изложенной им в работе 1965 г. «Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия» и состоящей в том, что «интерес, охраняемый законом... есть выгода, обеспеченная не нормой материального права, а охранительной, прежде всего процессуальной нормой»¹⁷. Практически всегда за ссылкой на мнение Гурвича следует и ссылка на позицию оппонировавшего ему через два года В. П. Грибанова: «С определением интереса как выгоды нельзя согласиться. Выгода всегда ассоциируется с каким-либо имущественным приобретением, между тем как закон говорит не только об имущественных, но и о личных неимущественных интересах»¹⁸. Этим критика началась, этим и окончилась. Грибанов искал максимально точное определение интереса, что априори является трудновыполнимой задачей, поскольку аксиоматично, что категории сторонятся определений. Не меньше внимания он уделил критике мнения И. Л. Брауде, рассматривавшего интерес как благо¹⁹. Однако этот фрагмент не вспоминают. Но замечание Грибанова в отношении позиции Гурвича каждый раз становилось трамплином для последующего движения критиков в совершенно ином направлении: не в том, что касается определения интереса как выгоды, а в обеспеченности его охранительной или процессуальной нормой²⁰.

¹⁶ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 73.

¹⁷ Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Избранные труды. Краснодар, 2006. Т. 2. С. 44.

¹⁸ Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 238.

¹⁹ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 238.

²⁰ Краткий обзор подобных положений см.: Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе. М., 2021. С. 19.

Насколько известно, Гурвич к высказанному им и подвергнутому критике положению больше не возвращался. Что же именно содержится в нем привлекательного?

Сейчас небольшое отступление. Ежегодно, в третий четверг ноября, отмечается Всемирный день философии — официально признанный памятный день. Но, возможно, философам, в том числе и философам-правоведам, всем исследователям и аналитикам будет по духу ближе другой, странный и даже забавный праздник — День поиска за углом, отмечаемый каждое 13 июля. Огромное желание и невозможность заглянуть «за угол» свойственны всякому человеку с пытливым умом, но для исследователя это работа, а сосредоточенность на поиске и умение использовать «угол», то есть границу постижимого, в качестве инструмента мышления — обязательное профессиональное требование. Достижимость организованного подхода к изучению идеального подтверждается аналогией с измерением вселенского пространства. Точно так же его не охватываемая разумом бесконечность не становится преградой для того, чтобы пользоваться ее — абсолютной бесконечности — относительным измерением. Представление о многомерном пространстве появилось намного позднее использования двумерных и трехмерных измерений, которые остаются незаменимыми и после открытия многомерности. Впору вслед за Галилеем принять к руководству правило: измеряй всё, доступное измерению, и делай недоступное измерению доступным. Какую же точку отсчета, «нулевой километр», исходную мысль можно приложить или использовать для того, чтобы ориентироваться в праве как области идеального?

Необходимо извлечь из мысли Гурвича об интересах два разных их состояния, что почему-то не было замечено его критиками. Хотя если не ограничивать взгляд на рассматриваемый вопрос только хронологическими рамками советского права, то отметим, что и в дореволюционный период он поднимался в похожей постановке: «Интерес превращается в субъективное право только тогда, когда защита его и

самый объем этой защиты определяются индивидуальной волей, получающей в свое распоряжение и необходимые средства (иск, возражение и т.д.) для осуществления защиты»²¹. Если с большей или меньшей успешностью возможно охарактеризовать как выгоду интересы вообще, то, обращаясь к процессуальной норме, мы с неизбежностью сталкиваемся с интересами в их конфликтном состоянии. Категории идеального в праве привычно мыслятся как абсолюты: никто не говорит о конфликте справедливостей или конфликте благ. Но за интересами стоит не только их социальное, но и биологическое содержание. В последнем случае они похожи на интеллектуально опосредованное проявление инстинктов. И чем объясняется привычность их конфликтного состояния? Для права, сквозь его призму, это те рациональные предпосылки, которые и позволяют очертить его как область идеального. Уникальность опыта индивида и высокая значимость результатов сопоставления этого опыта с опытом социальным — длительность выживания среди себе подобных — с неизбежностью принуждает индивида к постоянной гармонизации (разумеется, в более широком смысле, чем только конфликтная форма, но нас сейчас занимает именно она) личного опыта с социальным. То, что в бытовом смысле выглядит как отстаивание превосходства собственного опыта в столкновении одного лица с другим, в социальном означает возможное приобщение одного из личных опытов к общественному, пополнение публичной «библиотеки» еще одной «авторской рукописью». Таким образом, конфликтное состояние интересов придает им характер относительности: одни личные интересы для интересов общих оказываются предпочтительнее других личных. А степень предпочтительности определяется необходимыми средствами, о которых писал Гамбаров и которые сосредоточены в процессуальном праве.

В этом смысле категория интересов является неким универсальным ключом, «отмычкой» для других категорий идеального, составляющих право. Конфликт, возникающий в силу разности представлений о «добре и справедливости»,

²¹ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 386.

неизбежно предстает конфликтом интересов. Уместно вспомнить, что и закон, оперирующий понятием «законных» или «охраняемых законом интересов», лишь этой категорией идеального для подобной связи с собой и ограничивается. Не бывает незаконной справедливости или неправовой свободы, соответственно, в указании на их законные формы просто нет нужды. Зато указанными определениями не ограничивается терминологический перечень характеристик интереса: «законный», «правовой», «юридический». И это не говоря еще о выявлении «процессуальной заинтересованности», о делении интересов на материально-правовые и процессуальные. Такое положение дел даже повлекло за собой появление публикаций, посвященных исследованию одних только различий в определениях²². Сложности, однако, вовсе не сводятся лишь к терминологическому наложению. Например, по мнению О. Н. Шеменевой, трудно предпринимать сколь-либо значительные исследования проблем гражданского процессуального права и законодательства без обращения к категориям интереса и заинтересованности, притом что не выработано ни единого определяющего понятия, ни общего родового понятия и видовых отличий интереса и заинтересованности в исходе дела, не дано однозначного ответа на вопрос о том, субъективен ли юридический интерес по своей природе, носит ли он объективный характер или же может иметь значение в обоих из указанных проявлений²³.

Причина такой ситуации очевидна. Как можно выявить закономерность в последовательности возникновения, формирования, изменения, удовлетворения интересов в ходе процессуального разбора конфликтов при общей аморфности представлений о категории интересов в праве? Введение понятия юридического интереса как обозначения того состояния интересов, в котором они находятся в самом начале рассмотрения конфликта, является попыткой отозваться на запрос процедуры для

обоснованного ее открытия, уверенного опознания должных предпосылок старта. Но в данном случае существует разрыв между общим и специальным. Именно поэтому выведенный по необходимости специальный продукт селекции (юридический интерес) обозначенной цели не достигает. В то время как проведение удачной попытки анализа категории интересов в самом общем их понимании уже должно быть способно помочь в рассмотрении конкретных практических вопросов права. При всей затрудненности в выработке определения интересов тем не менее возможно и необходимо раскрытие их природы благодаря уточнению постоянно сопутствующих им признаков в русле прежде высказанных взглядов на явление права.

Какими предстают интересы индивида и интересы социума в рациональности соединяющей их связи? Предпосылки индивидуальных интересов можно отобразить, вспомнив обиходные выражения: «не хуже других» и «уж получше других». Для выживания среди своего вида необходимо начальное условие общего равенства (которое в период истории, предшествующий декларации всеобщего социального равенства, заменяло равенство внутрисословное) и возможность целенаправленно улучшать свое положение относительно других, прикладывая необходимые усилия. Повысить таким путем свои шансы на успешность выживания. Вариант «хуже других» в силу своей тупиковости не рассматривается в массовом отображении, а обществом, особенно церковью, в суицидальном исходе всегда порицался. Следовательно, применительно к интересам, выходящим в рациональную связь со стороны индивида, нужно выделить такие, как интересы равенства и интересы преимущества. Что касается общества, то соблюдение и обеспечение индивиду законными мерами равенства позволяет обществу достичь внутреннего баланса и выражает с его стороны интересы стабильности. Признание обществом интересов преимущества

²² См., например: *Максимов В. А.* К вопросу о соотношении понятий «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «правовой интерес», «юридический интерес» // *Правда и закон.* 2017. № 2. С. 25–28.

²³ *Шеменова О. Н.* Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // *Вестник гражданского процесса.* 2016. № 2. С. 34.

позволяет избегать социального и экономического застоя и выражает интересы развития. Помимо вышеуказанных корреспондирующих интересов, следует выделить еще и непарный вид интересов — интересы отвержения, которые будут рассмотрены на конкретном примере судебной практики.

Как видим, умозрительное выделение видов интересов особой трудности не составляет, но их переплетение, объединение в рамках поведения одного субъекта может создать сложности в практическом отграничении и должном обосновании принятого вследствие этого решения, что принципиально важно для работы суда.

Разберем сначала пример судебной практики, где анализ содержания интересов, определение их вида были проведены превосходно. Пример касается «банкротного туризма», т.е. создания искусственных условий для изменения территориальной подсудности дела о банкротстве посредством формальной смены регистрационного учета, не сопровождаемой фактическим переездом, для затруднения кредиторам реализации принадлежащих им прав на получение с должника причитающегося исполнения в процедуре несостоятельности²⁴. Верховный Суд, рассматривая в подобном деле довод заявителя о том, что формальных признаков места жительства должника недостаточно для определения надлежащей подсудности, поскольку манипулирование должником территориальной подсудностью не оценено судами применительно к правовым нормам о злоупотреблении правом, подчеркнул, что «разрешение спорных вопросов по месту сосредоточения должника и его кредиторов отвечало бы общим интересам и как минимум оптимизировало бы финансовые и организационные издержки участников дела о банкротстве на судебные процедуры, которые, исходя из сложности и многоэпизодности дел о банкротстве, могут быть достаточно ощутимыми»²⁵.

При столкновении в процессе интересов сторон любой из них только приветствовался бы

как безусловный примат собственных интересов в восприятии суда, в том числе процессуальных, но коль скоро в обычных условиях этого произойти не должно, любая из сторон либо даже обе могут попытаться подвинуть суд на восприятие именно своих интересов как преимущественных. От суда же ожидается отношение к процессуальным интересам сторон как равным, подлежащим равной же защите и в целях осуществления указанной защиты проведение проверки обоснованности подлинного или мнимого процессуального преимущества каждой занимаемой позиции. И в соблюдении этого требования заключается главное достоинство вышеприведенного судебного постановления. Суд сделал однозначный вывод о том, что использование одной из сторон принадлежащего ей процессуального права стало не чем иным, как злоупотреблением правом, нарушающим процессуальные интересы другой стороны. То есть целенаправленным умалением в свою пользу интересов равенства противной стороны путем создания процессуального преимущества.

Суд указал также на возможность возникновения «ощутимых финансовых и организационных издержек», в первую очередь — по смыслу постановления — неминуемо обременяющих сторону, чьи процессуальные интересы нарушаются. Если презюмируемое равенство процессуальных интересов сторон служит основой для процедурного порядка разрешения споров, то о равенстве их материальных интересов говорить не приходится. В обязательстве всегда есть слабая сторона, которая и обращается в суд за защитой нарушенных прав и интересов, поскольку сильную сторону сложившееся состояние правоотношения как раз устраивает и в предметной публичной оценке конфликта она нужды не испытывает. В этом случае можно говорить лишь о равной степени принципиальности и последовательности, с которой суд должен защищать нарушенные материальные интересы сторон, но сами они и объем их нарушения равными быть не могут. Эту данность прекрасно иллюстрирует

²⁴ Формулировка, употребительная в судебной практике, в частности, содержится в определении Верховного Суда РФ от 21.03.2019 № 308-ЭС18-25635.

²⁵ Определение Верховного Суда РФ от 25.07.2019 № 306-ЭС19-3574.

другое — удивительное — судебное решение, которым одновременно были нарушены интересы всех возможных видов²⁶.

Подрядчик по договору строительного подряда предъявил исковое требование к заказчику о неисполнении обязательства по оплате подрядных работ в сумме, приблизительно равной 160 млн руб. В свою очередь, заказчик предъявил встречный иск к подрядчику о возмещении убытков, возникших вследствие некачественного исполнения работ, в сумме, приблизительно равной 132 млн руб. По делу неоднократно назначались и проводились судебные строительно-технические экспертизы.

Рассмотрев дело, арбитражный суд установил, что «проведенные экспертизы не позволяют с абсолютной достоверностью установить как объем и стоимость выполненных Истцом работ без недостатков, подлежащих оплате, так и объем и стоимость образовавшихся у Ответчика убытков вследствие ненадлежащего исполнения работ по спорному договору, но позволяют утверждать, что работы выполнялись, но не в полном объеме и с нарушениями как по качеству, так и по объему». Суд также выразил мнение, что «в назначении иных дополнительных либо повторных экспертиз не имеется необходимости, так как с течением времени утрачивается возможность более точного установления как объема и стоимости выполненных работ без недостатков, подлежащих оплате, так и объема и стоимости убытков, образовавшихся вследствие ненадлежащего исполнения работ по спорному договору».

Поставив своей целью «процессуальную экономию и прекращение спора между сторонами», суд принял решение о частичном удовлетворении как первоначального, так и встречного исков в одинаковых суммах, определенных визуально привлекательным цифровым значением — 100 млн руб. Разумеется, суд также постановил произвести зачет сумм, взыскиваемых по первоначальному и встречному искам.

Меньше всего хотелось бы скатиться в ёрничество при рассмотрении фактов судебной практики. Тем более что данное решение прошло

через все возможные проверочные инстанции и было оставлено без изменения. То есть оно не должно рассматриваться как единичный несчастный случай, и следует пошагово проанализировать понимание судом различных видов интересов, отраженное в решении.

С одной стороны, радует, что суд не стал демонстрировать владение профессиональными азами, реалиями судебной работы в негативном смысле, т.е. не воспользовался практически монопольным правом суда первой инстанции оценивать фактические обстоятельства дела, благодаря чему с высокой степенью произвольности мог согласиться с любой частью результатов экспертизы и положить ее в основу решения. Но с другой стороны, суд отверг вообще все выводы экспертов, сочтя очевидно, что обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, должны определяться не на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле (как предписывает часть 2 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ), а на основании занятия равноудаленной от них позиции. Соблюдение интересов равенства сторон должно было выразиться в отказе в удовлетворении заявленных каждой из сторон требований, если суд счел их одинаково недоказанными. Одинаковая же степень непроясненности фактических обстоятельств, во-первых, не достигла справедливости. А во-вторых, стала предпосылкой для произвольной оценки обстоятельств дела.

Далее. Суд вынес решение с определенной долей демонстративности, проявившейся в том, что он счел необходимым попенять на «договоронеспособность истца и ответчика и невозможность окончания спора между сторонами миром». Что стоит за таким отношением суда? Вряд ли ему было неизвестно, что примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности (ч. 2 ст. 138 АПК РФ). Это опять-таки проявление непонимания, что добровольность примирения тесно связана с интересами сторон — интересами преимуществва, которых стороны лишены быть не могут,

²⁶ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.09.2019 по делу № А40-96731/15-43-773.

но могут переосмыслить при добровольном и только добровольном примирении. Для этого каждая сторона должна прийти к выводу, что ее интересы преимущества будут воплощены в большей мере в случае примирения до вынесения решения, нежели после вынесения решения неизвестного содержания в отдаленной перспективе.

И наконец. Последний вид интересов, самый труднопереносимый для лица при их практическом воплощении обществом. Интересы отвержения, присущие только обществу. Проявляются лишь в особых ситуациях, когда общество вынуждено отвергать и интересы равенства, и интересы преимущества. Характерный пример — это реквизиция, применение которой подчеркивается обстоятельствами чрезвычайного характера (п. 1 ст. 242 Гражданского кодекса РФ). Воплощение интересов отвержения в той или иной форме всегда влечет за собой социальную напряженность, непредсказуемость последствий, проблемы встраивания в нормативный массив, что с очевидностью продемонстрировало принятие различных актов в ходе пандемии коронавируса. И таковое воплощение интересов должно быть нормативным, должно являться прерогативой законодательной власти либо, в крайнем случае, исполнительной, когда передача ей соответствующих полномочий от законодательной особо оговаривается. Но никак не судебной. Предназначение судебной власти здесь — рассмотрение обращений лиц, столкнувшихся с неблагоприятными последствиями нормативных решений. Например, об определении и о возмещении стоимости утраченного, о возможности возврата первоначального состояния, что прямо предусматривается нормами о той же реквизиции. В рассматриваемом же нами решении суд присвоил себе возможность применить интересы отвержения, навязав сторонам банальную и недопустимую «уравниловку». Необходимо извлечь из решения главное:

суд без видимых затруднений от необходимости соблюдения равенства в обеспечении процессуальных интересов сторон перешел к оценке как равных их материально-правовых интересов. Стоит ли говорить, что практически для всех современных государств такой подход по причине отрицания их социально-экономической основы неприемлем и губителен?

Неисчислимое количество обучавшихся праву после завершения образования перестают воспринимать право как науку. В своей повседневной работе они видят его лишь в одной форме — бюрократии конфликта. Но не только прикладное предназначение права, неизбывный интерес власти к постфактум-обслуживанию правом политической и экономической ситуации ограничивают перспективы его развития как науки. Существует невольное раздергивание права на уровне правопонимания: при очевидной, подтвержденной временем невозможности втиснуть его в рамки единственной теории существующие подходы к правопониманию все равно соотносятся конкурентно, за исключением разве что теорий, основанных на интегративности. Если же говорить о применении к пониманию права идеи концепта, то она привлекательна, несмотря на негативные оценки, связанные с тем, что «в последнее время общепризнанные термины “понятие” и “теория”, обладающие логической строгостью и четкостью, российскими правоведомы были дополнены, а кое-где и вовсе заменены терминами “концепт” и “концепция”, имеющими заманчивое звучание, хотя и малопонятными по содержанию... и “концептов” можно настрять сколько угодно»²⁷.

Как следует ответить? Содержание понятия концепта давно устоялось, со времен теологических изысканий Средневековья²⁸. В современных исследованиях отмечается, что феномен концепта интегрирует в себе знания нескольких наук, вследствие чего наблюдается тенденция

²⁷ Сырых В. М. Указ. соч. С. 82–83.

²⁸ Концепт как собрание понятий, связывание высказываний в одну точку зрения на тот или иной предмет при определяющей роли ума (см.: Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абелияра. М., 1994. С. 141).

широкого использования и востребованности соответствующего термина²⁹. Но дело даже не в терминологии, а в том, что привычно уже стоит за понятием. Например, концепт Человека, вследствие и в том числе технического прогресса, создающего угрозу воссоздания человеческих когнитивных способностей в искусственных формах, прирастает новыми направлениями (взаимно дискуссивными) постгуманизма³⁰. И если теории сосредоточены чаще на том, что оказалось внутри их построения, ищут обоснование в однажды отгороженном пространстве, то для концепта характерен матричный образ: периодически попадающие в расширение его орбиты ячейки гипотез раскрываются и их состоятельность со временем подтверждается либо нет. Обращение к концепту Человека — это не дань моде, не стремление приобщиться и приобщить к поп-философии. Это констатация очевидного влияния окружающего мира, среды существования на человека и общество, на связь между ними. Демонстрация того, что в любом философском взгляде, мировоззрении индивид, социум и охватывающий их физический и метафизический мир будут основой для неизбежного расширения концептуального осмысления. Концепт опирается на объективное расширение познания.

Что же касается вырастающего из общефилософского концепта единого концепта правопонимания, то под ним следует подразумевать не «единственность», не монополию на знание, но единство и общность подхода как к философским и теоретическим идеям права, так и к их предметному житейскому отпечатку. Что может быть банальнее утверждения о том, что обоснованные положения, относящиеся к философии права, способны и должны продуктивно

влиять на общую и отраслевую теорию права, практику правоприменения? Но это действительно так, если иметь в виду в том числе и подчеркываемый в статье основополагающий для права рациональный характер связи человека и общества. Кроме того, единый концепт правопонимания, являясь неотъемлемой частью глобального мировоззрения, способен не только пользоваться достижениями других отраслей знания, но и сам в силу имманентно присущего ему внимания к рациональному характеру связи между личным и общественным опытом быть пригодным для проверки важнейших выводов философии, психологии, социологии, даже естественных наук и их развития.

Восприятие права как области идеального, а идеального, в свою очередь, как связанного в трех его проявлениях: мышлении человека, общности мышлений в условиях сосуществования и воздействии мира, данного в ощущениях, на мышление, не только предписывает путь понимания и настройки права, но и ставит важнейшие вопросы, в попытках права стать причастным к ответу на которые уровень правопонимания с неизбежностью растет. С исчезновением человека окружавший его мир, звезды и океаны, не исчезнут, но — вот вопрос — в какой мере сохранится та «гармония вершин и впадин», которая жила в глазах смотрящего? Может ли она при современной степени социального и технического развития пусть на микроуровне, но с необратимостью запечатлеться в духовном коде человечества и влиять на него? Есть ли у этого процесса рациональная опора и в какой мере она охватывается правом? Человек должен искать ответ на эти вопросы с гордостью за свой вид, за человеческую способность, охватывая разумом свою судьбу, с достоинством принимать ее.

²⁹ *Tumova Ю. В.* Теория концепта // Вестник УлГТУ. 2010. № 3. С. 11.

³⁰ *Wolfendale P.* Rationalist Inhumanism // URL: https://www.academia.edu/26697819/Rationalist_Inhumanism_Dictionary_Entry.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. — СПб., 1999.
2. Власенко Н. А. Результативность правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. — 2015. — № 4.
3. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. — М., 2003.
4. Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2000.
5. Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Избранные труды. Т. 2. — Краснодар, 2006.
6. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. — М., 2002.
7. Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. — 1979. — № 7.
8. Итунина Н. Б. Концепция идеального Э. В. Ильенкова // Бюллетень науки и практики. — 2019. — Т. 5. — № 10.
9. Кузнецова С. В. Русская метафизика всеединства XIX–XX вв. в контексте европейской неоплатонической традиции. — М., 2018.
10. Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). — М., 2003.
11. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. — СПб., 1998.
12. Максимов В. А. К вопросу о соотношении понятий «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «правовой интерес», «юридический интерес» // Правда и закон. — 2017. — № 2.
13. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. — М., 1994.
14. Палеха Р. Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2010. — № 1.
15. Покровский И. А. «Иррациональное» в области права. — М., 1915.
16. Рахматуллин Р. Ю. Проблема идеального в советской философии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2018. — № 6.
17. Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе. — М., 2021.
18. Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. — 2016. — № 1 (229).
19. Титова Ю. В. Теория концепта Вестник УлГТУ. — 2010. — № 3.
20. Черных И. И. О праве не соблюдать закон // Служение праву. Памяти профессора В. А. Туманова посвящается. — М., 2017.
21. Шеменева О. Н. Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // Вестник гражданского процесса. — 2016. — № 2.
22. Wolfendale P. Rationalist Inhumanism // URL: https://www.academia.edu/26697819/Rationalist_Inhumanism_Dictionary_Entry/.

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev N. N. Osnovy filosofii prava. — SPb., 1999.
2. Vlasenko N. A. Rezultativnost pravoponimaniya v sovremennoy yuridicheskoy nauke // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2015. — № 4.
3. Gambarov Yu. S. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast. — M., 2003.
4. Gribanov V. P. Interes v grazhdanskom prave // Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav. — M., 2000.
5. Gurvich M. A. Grazhdanskie protsessualnye pravootnosheniya i protsessualnye deystviya // Izbrannye trudy. T. 2. — Krasnodar, 2006.

6. Dubrovskiy D. I. Problema idealnogo. Subektivnaya realnost. — M., 2002.
7. Ilenkov E. V. Problema idealnogo // Voprosy filosofii. — 1979. — № 7.
8. Itunina N. B. Kontseptsiya idealnogo E. V. Ilenkova // Byulleten nauki i praktiki. — 2019. — T. 5. — № 10.
9. Kuznetsova S. V. Russkaya metafizika vseedinstva XIX–XX vv. v kontekste evropeyskoy neoplatonicheskoy traditsii. — M., 2018.
10. Lifshits M. A. Dialog s Evaldom Ilenkovym (Problema idealnogo). — M., 2003.
11. Kistyakovskiy B. A. Filosofiya i sotsiologiya prava. — SPb., 1998.
12. Maksimov V. A. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «zakonnyy interes», «okhranyaemyy zakonom interes», «pravovoy interes», «yuridicheskiy interes» // Pravda i zakon. — 2017. — № 2.
13. Neretina S. S. Slovo i tekst v srednevekovoy kulture. Kontseptualizm Abelyara. — M., 1994.
14. Palekha R. R. Integrativnaya kontseptsiya pravoponimaniya kak metodologicheskaya paradigma prava // Vestnik VGU. Seriya «Pravo». — 2010. — № 1.
15. Pokrovskiy I. A. «Irratsionalnoe» v oblasti prava. — M., 1915.
16. Rakhmatullin R. Yu. Problema idealnogo v sovetskoj filosofii // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsialnye nauki». — 2018. — № 6.
17. Smagina E. S. Uchastie gosudarstva v sovremennom tsivilisticheskom protsesse. — M., 2021.
18. Syrykh V. M. Rossiyskie pravovedy na perepute: materialisticheskiy ratsionalizm ili subektivnyy idealizm? // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2016. — № 1 (229).
19. Titova Yu. V. Teoriya kontsepta Vestnik UIGTU. — 2010. — № 3.
20. Chernykh I. I. O prave ne soblyudat zakon // Sluzhenie pravu. Pamyati professora V. A. Tumanova posvyashchaetsya. — M., 2017.
21. Shemeneva O. N. Yuridicheskiy interes v grazhdanskom sudoproizvodstve: razvitie vzglyadov i sovremennoe znachenie // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2016. — № 2.
22. Wolfendale P. Rationalist Inhumanism // URL: https://www.academia.edu/26697819/Rationalist_Inhumanism_Dictionary_Entry/.